

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-66-73

Эпизод из истории идеологемы «реакция»: Серебряный век

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется специфика функционирования социальной идеологемы «реакция» в Серебряном веке русской культуры. Историк и левый публицист С.А. Венгеров, анализируя генезис и специфику Серебряного века, сравнил Серебряный век с эпохой, которая ему предшествовала. Эту эпоху принято называть «реакцией Победоносцева». Чтобы определить ее специфику, Венгеров предложил классификацию типов социальной реакции в России, используя для этого оригинальный понятийный инструментарий.

Ключевые слова: «реакция», идеологема, Серебряный век, С.А. Венгеров, К.П. Победоносцев

Для цитирования: Одесский М.П. Эпизод из истории идеологемы «реакция»: Серебряный век // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 66–73. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-66-73

Episode from the history of the ideologeme “reaction”. The Silver age

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the specifics of the functioning of the social ideologeme “reaction” in the Silver Age of Russian culture. When analyzing its genesis and specifics S. Vengerov, the historian and left-wing publicist, compared the Silver Age with the period that preceded it. That period is commonly called the “Pobedonostsev’s Reaction”. To determine its specifics, Vengerov proposed a classification for the types of social reaction in Russia, using the original conceptual tools.

© Одесский М.П., 2021

Keywords: “reaction”, ideologeme, Silver Age, S. Vengerov, K. Pobedonostsev

For citation: Odesskii, M.P. (2021), “Episode from the history of the ideologeme ‘reaction’. The Silver age”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 66–73, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-66-73

В современном словоупотреблении «реакция» как политический термин (в отличие от естественнонаучного) обыкновенно употребляется в единственном числе. Это, вероятно, отражает внеисторическое восприятие обозначаемой им идеологемы: «реакция» в качестве противостояния социальному прогрессу – константа, и нюансами здесь позволительно пренебречь. Однако разнообразие периодов, называемых «реакционными» (хотя бы в России), настолько очевидно, что гипотетически допустимо для их классификации употреблять множественное число: «реакции». Действительно: например, современники Серебряного века, осмысляя генезис и специфику этой противоречивой эпохи, заговорили именно о «реакциях».

* * *

Развернутое учение о «реакциях» сформулировал Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920). В 1914–1918 гг. под его редакцией было опубликовано несколько выпусков уникальной работы, озаглавленной «Русская литература XX века. 1890–1910» (том, посвященный 1906–1910 гг., не увидел света). Уникальность работы заключалась в структуре: издатель предварил изложение пространной вводной статьей «Этапы неоромантического движения», замыкалось издание библиографическими материалами (отдельное направление деятельности Венгерова), а основной текст составляли литературные портреты. Их героями стали представители различных направлений: как «реалисты» (М. Горький, В.В. Вересаев, Л.Н. Андреев), так и «модернисты» (Н.М. Минский, Д.С. Мережковский, В.Я. Брюсов), авторами – как критики и литературоведы (Е.В. Аничков, А.Г. Горнфельд, Иванов-Разумник, В.Л. Львов-Рогаческий), так и сами писатели (Андрей Белый, В.Я. Брюсов, Вячеслав Иванов). В то же время единообразие портретов достигалось сходством их композиции: данные об авторе (по большей части – автобиографии), аналитические и даже мемуарные статьи. Так, портрет Вячеслава Иванова включал его автобиографическое письмо Венгерову, очерк Н.А. Бердяева об «ивановских средах», статьи эллиниста Ф.Ф. Зелинского об античной составляющей мировоззрения Иванова и Андрея Белого о творчестве писателя.

Структура «Русской литературы XX века» проистекала из разных устремлений издателя – историка литературы и библиографа, но прежде всего должна была формально обеспечить беспристрастность: Венгеров – журналист левых убеждений, близких народничеству, – посвятил труд преимущественно модернизму, т. е. матери достаточно чуждой.

Беспристрастность была призвана концептуализировать и вводная статья, где Венгеров пытался объединить симпатичное ему восстание экспериментальной литературы против реакционного духа эпохи Александра III («победоносцевщины») с вызывающим отторжение отказом этой литературы от народнической «общественности». Одним из элементов объединяющей концепции стало учение о нескольких «реакциях».

Венгеров поставил перед собой задачу определить историческое значение «победоносцевщины», которая непосредственно предшествовала Серебряному веку. Для левого литератора само собой разумеется, что этот период характеризовался «светогасительством, ретроградством и т. д.»¹, но ведь «победоносцевщина» – явно не уникальный случай в русской истории. Согласно Венгерову, даже в хронологических рамках второй половины XIX в. следует различать три «реакции»:

Если страшна была так называемая даже самыми консервативными историками «бешеная» реакция 1848–1855 гг., то все же это была реакция только правительственная. <...> Реакция, наступившая в середине 1860-х гг., уже отчасти захватила и общество. Перепугался быстроты русского прогресса средний русский обыватель и стал прислушиваться к голосу переменившего дирекцию Каткова. В 1880-х же годах не только средний обыватель спрятался в подворотню, но и произошла печальная перемена в настроении самых высоких духом слоев русской интеллигенции (т. 1, с. 44).

Принципиальное различие трех «реакций» обусловлено степенью вовлечения в их механизм общественного мнения, т. е. прессы. Если «бешеная» реакция последних лет Николая I имела правительственный характер и ограничивалась запретительными мерами, то реакция 1860-х ознаменовалась не только запретами леворадикальных журналов «Современник» и «Русское слово», но восходящей популярностью СМИ М.Н. Каткова («Москов-

¹ Венгеров С.А. Этапы неоромантического движения // Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова: В 2 т. Т. 1. М.: Согласие, 2000. С. 43. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

ские ведомости», «Русский вестник»), «переменившего дирекцию» с либеральной на имперскую и ориентированного на «среднего русского обывателя».

В «победоносцевский» период пресса, резонирующая с правительственной реакцией, приобрела новое качество. И дело не просто в «небывалом расцвете в 80-х годах» «мелкой» и шовинистической прессы:

...несравненно более разлагающее влияние, чем «мелкая пресса», оказывала «большая» шовинистическая, рептильная пресса, потому что, по условиям времени, она оказалась во главе печати (т. 2, с. 20).

Символом «большой» рептильной прессы Венгеров считал газету А.С. Суворина «Новое время». Здесь уместно добавить, что в русской культуре век журналов принято отсчитывать с 1840-х, а газет – именно с конца столетия. По свидетельству В.В. Розанова, «до XIX века газет почти не было (было кое-что), а была только литература. К концу XIX века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература – почти исчезла»². И закономерно, что, по наблюдениям Венгерова, «Новое время» профессиональнее и эффективнее манипулировало массовым читателем, чем газета Каткова:

«Московские ведомости» были несравненно реакционнее, но это было прямолинейное, грубое, чисто полицейское отношение к вещам, без малейшего желания привлечь на свою сторону. Пресмыкательство же «Нового времени» было глубоко тлетворно тем, что велось с тонким пониманием психологии среднего читателя. <...> ...тактика его заключалась в глумлении, в том, что оно те идеи и тех деятелей, на которых нападало, вываливало в грязь. Такого издевательства над личностями, движениями, идеями, народностями никогда еще в русской печати не было (т. 2, с. 21).

Акцентируя связь реакции «победоносцевского» типа с новой прессой, Венгеров подходит к вопросу о том, попадала ли эта связь в сферу планомерных забот правительства при Александре III и Николае II.

Вопрос непростой. Император Александр III, как вспоминал Е.М. Феоктистов, нашел нужным доказывать ему – начальнику Главного управления по делам печати! – необходимость правительственного финансирования консервативного «Гражданина»:

² *Розанов В.В.* Мысли о литературе / Сост. А.Н. Николюкин. М.: Современник, 1989. С. 341.

«...нельзя же основать хорошую консервативную газету на двугривенный; я не нахожу тут ничего необычайного; посмотрите, сколько тратит на немецкую печать Бисмарк...»³. Речь притом шла о разовой акции, к тому же адресованной издателю «Гражданина» В.П. Мещерскому – личному другу государя, а в качестве образца Александр III апеллировал к ловкому «железному канцлеру».

Сам К.П. Победоносцев в «Московском сборнике» (1896 г.) – суммирующем публицистическом кредо – высказался о печати двойственно: с одной стороны, «ныне с этой силой считаются правительства, и стало даже невозможно представить себе не только общественную, но и частную жизнь без газеты, и прекращение выхода газет, если б возможно было бы представить его себе, было бы однозначительно с прекращением всякого действия железных дорог», с другой, «нельзя не признать с чувством некоторого страха, что в ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила, нависшая над человечеством»⁴. На практике Победоносцев обращался к услугам лояльных журналистов, строго их контролировал, «сливал» информацию [Полунов 2017, с. 179–187], однако его теоретическая позиция – отнюдь не опыт организатора и циничного манипулятора, а признания консерватора, видящего в современной прессе инородную западную институцию и относящегося к ней с «чувством некоторого страха».

Даже министр С.Ю. Витте – популярный в обществе либерал – диалог с ведущими СМИ, состоявшийся в революционных условиях 1905 г., вспоминал прямо-таки брезгливо. Министр удивился не ожидаемой оппозиции левых (народнический журнал «Русское богатство»), но агрессивной враждебности либеральной газеты «Биржевые ведомости» и молчаливой с ней солидарности правых («Гражданин», «Новое время»): «При подобных требованиях для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно и что пресса совершенно деморализована»⁵.

Коль скоро правительство не изъявляло готовности «опереться на прессу», логично прийти к выводу, что не правительство, а пресса инициировала союз с «победоносцевской» реакцией.

В свою очередь пресса здесь руководствовалась запросом общества, потому Венгеров различает три «реакции» и по их соци-

³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы: 1848–1896. М.: Новости, 1991. С. 238.

⁴ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени / Сост. С.А. Ростунов. М.: Русская книга, 1993. С. 131–132.

⁵ Витте С.Ю. Избранные воспоминания: 1849–1915 гг.: В 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1997. С. 229.

альной природе. При таком подходе официальная николаевская реакция подчинялась «дворянским настроениям» и игнорировала общественное мнение; катковская реакция вступила во взаимодействие с обществом, где обрел значение разночинец, усвоивший себе «облик и психологию правящего интеллигентского класса»; наконец, «победоносцевщина» выражала воззрения и «самых высоких духом слоев русской интеллигенции» (т. 1, с. 44), и одновременно «улицы»: «...медленный, но прочный рост промышленности и народение мелкой буржуазии на первых порах создает обширный, культурный только по внешности, контингент людей, еле начинающих мыслить и читать» (т. 2, с. 20). Отсюда Венгеров выводил дифференциальный признак «победоносцевщины»: она – «самая страшная из всех русских реакций» (множественное число!), потому что «она была не только бюрократическая, но и общественная» (т. 1, с. 44).

Симптоматично, что к аналогичной диагностике одновременно пришел автор «Истории русской общественной мысли» (1906; неоднократно переиздавалась) Иванов-Разумник, который, подобно Венгерову, синтезировал народнические убеждения с заинтересованностью писателями-символистами. Для Иванова-Разумника не существует нескольких типов «реакции»: он убежден, что «в этой области восьмидесятые годы не сказали ничего нового, а только повторили основные черты эпохи официального мещанства»⁶. Зато критик подробно разработал классификацию «мещанства» (интерпретируя его как установку на отказ от индивидуальности). По Иванову-Разумнику, николаевская реакция – это «официальное мещанство» (насаждаемое сверху), а восьмидесятые – «эпоха общественного мещанства», т. е. затребованного обществом. Символ восьмидесятых – как у Венгерова – «Новое время», на страницах которого

...нашли себе приют подонки русской мысли, начавшие проповедь беспринципности и человеконенавистничества. Характерна не сама эта проповедь – где и когда ее не бывало! – а полнейший успех этой проповеди; одно это уже показало, как низко пало русское «культурное» общество⁷.

Легко убедиться, что Иванов-Разумник пользовался другим понятийным аппаратом, чем Венгеров (не «реакции», а, так сказать, «мещанства»), но тем разительнее сходство.

⁶ *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: В 8 ч. Пг.: Революционная мысль, 1918. Ч. 6. С. 150.

⁷ Там же. С. 152.

Определение комплексного социального базиса «победоносцевской» реакции открывало путь к уточнению ее послания, которое, как доказывает Венгеров, было бы «близоруко» воспринимать исключительно как

проявление какого-то архаизма в мышлении и чувствовании. Нет, Победоносцев далеко не был так архаичен. Этот «великий инквизитор»... был, однако, в известной степени не только «архаист», но и «модернист», сын века, а его мирозерцание своего рода «fin de siècle» (т. 1, с. 43).

С историко-литературной точки зрения, актуальной для труда Венгерова, дефиниция «модернист» позволяла неожиданно перекинуть интерпретационный мостик от «победоносцевщины» к экспериментальной литературе Серебряного века (антирационализм и антилиберализм, наложившие отпечаток на Д.С. Мережковского и манифесты деполитизированного искусства, на Владимира Соловьева и поворот к метафизике и т. п.). В историософской же перспективе «модернизм» Победоносцева подразумевает типологическое сближение реакции «общественного» типа не столько с прошлыми образцами XIX в., сколько с будущими идеологическими моделями XX в., когда лидеры научились планомерно реализовывать пропагандистский потенциал СМИ.

* * *

Итак, истолковывая антиномии Серебряного века, левый литератор Венгеров сформулировал учение о «реакциях» – различных типах политической реакции. Классифицируя эти типы, он учитывал несколько параметров: 1) исторический; 2) литературно-журналистский; 3) социологический. В итоге оказалось, что «победоносцевщина» – двадцатипятилетняя реакция 1880-х – середины 1900-х – существенно отличалась от предыдущих «реакций», будучи по характеру не правительственной, но «общественной», одобряемой и поощряемой социумом. На уровне грамматики это своеобразие функционирования идеологемы «реакция» выразилось в употреблении не привычно-генерализирующего единственного числа, а экстравагантно-детализирующего множественного.

Литература

Полунов 2017 – *Полунов А.* Победоносцев: русский Торквемада. М.: Молодая гвардия, 2017.

References

Polunov, A. (2017), *Pobedonostsev: russkii Torquemada* [Pobedonostsev. Russian Torquemada], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru